

БРОНЗОВЫЙ ЖУК

Вот и в наши края добралось
Травяное славянское лето.
Все леса и озера насквозь
Нисходящим пронизаны светом.

Смолянистый, душистый, густой
Дух летает на каждой поляне.
Жук из бронзы гудит надо мной:
— Тут молились и пели славяне!

Древний житель из прошлого дня,
К смене лиц и наречий привычный!
Ты запомни теперь и меня,
И ладони в соку земляничном.

Может быть, через тысячу лет,
Прилетая на детские крики,
Прогудишь: — Тут когда-то поэт
Перепачкался весь в землянике!

Будешь древнею бронзой гореть.
Будут травы дышать чудесами.
Будут дети на это смотреть
Голубыми моими глазами.

ПАСХА

Ах, как колокольни пели-плакали,
И качался колокол небес,
Оттого что под святыми знаками
Мне сказали: Боженька воскрес!

Я, одетый к празднику «прилично»,
Как бабуся любит говорить,
Красное красивое яичко
Отправляюсь Боженьке дарить.

Он возьмет красивое яичко,
Улыбнется, малого обняв,
И, как мама делает обычно,
Поцелует в маковку меня.

Я приду домой и милой маме
Расскажу: Яичко я отдал!
А меня тот Боженька во храме
Словно ты, — скажу, — поцеловал!

Я запомнил: все тогда лучилось!
Звонко птица пела: «Динь-дилень!»
Чтобы дальше в жизни ни случилось,
Буду помнить синий-синий день,

То, как колокольни пели-плакали
И качали колокол небес!
От того, что под святыми знаками,
Боженька воистину воскрес!

ИЗ ДЕТСТВА

К речке спуск — у старой ивы.
Ива, голову склоня,
Смотрит: я неторопливо
Подвожу к воде коня.

У него глаза, как сливы.
Вены бороздят виски.
На губах его — седые
Щекотные волоски.

Коник, фыркая, напьется,
Капли падают с губы —
На осколки солнце бьется
Где-то около воды.

Вот, последняя сорвется —
Станет тихо так везде...
Солнце в блюде соберется
На кувшинковой воде.

Мы обратно мимо ивы
Не спеша пойдем домой.
Конь помахивает гривой,
И слегка звенит уздой...

Светает.
 Таинственно, зыбко...
 Туман по долине плывет,
 И словно качается зыбка,
 И ангел как будто поет,

О том, что в Селеньях Небесных,
 Где явлены нега и свет,
 Ни страждущих нет, ни болезных,
 Ни лишних у Господа нет!

Таинственно...
 Зыбко...
 Рассветно...
 И пенье как будто вдали...
 Ужели все — отблески Света,
 Который невидим с земли?

Светает.
 Таинственно, зыбко...
 Туман по долине плывет.
 И словно качается зыбка,
 И ангел как будто поет...

ЛЕБЕДЬ БЕЛАЯ

Римме Люттой

То не ветер с Бел-Алатыря
 Вести в горсточке носил —
 То мне Птица-Сирин плакала
 Сказку из последних сил...

То не ветер исповедовал
 Гору горькую Горюн —
 Это сказку мне поведала
 Птица-дева Гамаюн.

Там, где Ворон перья выронил,
 Сокол ясный пролетал.
 Сокол Ворона повыловил.
 Ворон речи затевал:

«Ясный, ясный ты Соколушко!
 Смертным боем не когти!
 Расскажу я, где Лебедушка!
 К вороньятам отпусти!

Воронята плачут, бедные!
Я-то им всего нужней!
А у Лебедь — тело белое!
Много облака нежней!..
Расскажу я, где Лебедушка
Морем синим проплыла
Со склоненною головушкой,
Белым-белы два крыла!».
Жили в поры те далекие
Сокол-быстрые крыла,
Черный Ворон, мрачно клекая,
Лебедь Белая была —
В море синем крылья плещутся...
Да далеко среди дюн
Сказки сказывали вещице,
Птицы Сирин, Гамаюн.

Воронят за-ради вызнавший,
Сокол устремил полет,
В те края, где, шейку выгнувши,
Лебедь белая плывет.
Небеса тому свидетели:
Не устала налетать
Птица-Сокол Птице-Лебеди
Тело белое терзать.
И летели белы перышки
Среди зорек и зарниц,
И, тоскуя по Лебедушке,
Обращались в певчих птиц.

И с тех пор, как Сокол праздновал,
И долины, и леса
Населили птицы разные
О ста разных голосах.
А из само-само белого,
Из изранена крыла —
Птица-Матерь Лебедь Белая,
Возродившись, поплыла.

То не ветер с Бел-Алатыря,
То не плач с Горы-Горюн,
Это — сказку Сирин плакала
Да вещала Гамаюн.

Сколь времен назад слетело...
Сколь достанет наперед...
Сколь не станет!
Лебедь Белая
Все плывет, плывет, плывет.

В ЛЕСУ

А жизнь пройдет, как легкий летний сон,
И станет лесом то, что было нами...

А лес глядит, глядит со всех сторон
Зелеными и добрыми глазами,
И эхом далеко разносит крик,
И шелестит доверчиво листвою.

И кажется, что был когда-то миг:
Я лесом был, а он когда-то — мною.

ПЕРЕД ГРОЗОЙ

Тихо-тихо...
Воздух полон влагой.
Ни единый лист не задрожит.
И слышнее стало: по оврагу
Ручеек серебряный бежит.

И едва, но все же уловимо —
Там, где темен, грозен оком —
Тучи и лениво, и ворчливо,
Потихоньку спорят о своем.

А в овраге зверушка любая,
Закрывая лапками глаза,
Думает, в тревоге засыпая:
— Будет дождь... наверное — гроза...